

П.А. Аваков**АРМЯНЕ НА ДОНУ В XVII–XVIII ВВ. (ДО 1779 Г.)**

Традиционно история армян в Донском крае ведется с 1779 г., когда было осуществлено их массовое переселение из Крыма. Между тем, многие представители армянского народа бывали и даже проживали на Нижнем Дону задолго до этого, на что уже обращал внимание В.Б. Бархударян [1]. Однако до сих пор этот вопрос практически не разработан в историографии, несмотря на его очевидную значимость. Не претендуя на исчерпывающее освещение данного вопроса, попытаемся наметить основные направления его дальнейшего изучения и обобщить имеющиеся эмпирические данные.

Проникновение армян в регион было связано, главным образом, с их коммерческими интересами. Вероятно, первые армяне появились на Нижнем Дону в последней трети XIII в., вскоре после основания Азака – одного из крупнейших городов Золотой Орды, важнейшего центра транзитной и региональной торговли, известного в Европе как Тана. Один из гишатакаранов свидетельствует о переселении в Азак армянской общины Сарая в 1299 г. Основную массу переселенцев, вероятно, составляли купцы и ремесленники. Из нотариальных актов XIV в. известно, что в венецианской фактории, расположенной на территории Азака, также имелась армянская купеческая община, многие члены которой активно занимались работоторговлей. По мнению И.В. Волкова, армянская община просуществовала в городе по крайней мере до погрома 1395 г., устроенного Тимуром [2]. После гибели ордынского Азака и завоевания итальянской Таны Османской империей в значение этого рынка несколько снизилось, но приток туда коммерсантов не прекратился.

Материалы переписей населения Кафинского санджака, проведенных в 1488–1489, 1497–1510, 1529 и 1545 гг., свидетельствуют об отсутствии армян среди постоянных жителей османского Азака (в отличие от греков, русских и черкесов) [3]. Однако, учитывая важное торговое значение этого города-крепости в конце XV–XVI в. и принимая во внимание факт наличия многочисленного армянского населения в Кафе и в других причерноморских городах, сомневаться в том, что армянские купцы посещали Азак в этот период, не приходится.

О пребывании армян в Азаке в XVII в. имеются лишь отрывочные данные. Скорее всего, эти армяне находились в городе временно. Так, в июле 1671 г. вместе с посылавшимся к азовскому санджакбею Сулейману-паше жильцом Петром Быковым в Москву из Азака приехали «6 человек армян с рускими полоняники» [4]. Вполне очевидно, что целью приезда армян было совершение сделок по получению выкупа за пленников.

В результате захвата Азака донскими казаками в 1637 г. в низовьях Дона скопилось более 10 тысяч человек, что создало условия для образования емкого рынка. Потребность населения в подвозе продовольствия, возможность покупки казачьей добычи и налаживания торговых связей непосредственно с Россией привлекли в город немало иностранных купцов, среди которых были и армяне [5]. Весной 1640 г. внимание обосновавшихся в Азове казаков обратил на себя армянин Мануил, выдававший себя за бывшего «полоняника» и имевший золотую монету, что давало ему возможность «на кабаках пить и зернью играть». Оказалось, что склонный к праздной жизни и азартным играм армянин был агентом польского короля [6].

Можно с уверенностью утверждать, что после взятия Азова Петром I в 1696 г. армян среди постоянных жителей города не было. В материалах текущего делопроизводства российских правительственных учреждений, управлявших Северо-Восточным Приазовьем в 1696 – 1711 гг., как и в документах местной администрации, присутствие армянского населения в крае не зафиксировано. Тем не менее армянские купцы из сопредельных областей Крымского ханства и Османской империи были частыми гостями в Азове после заключения в 1699 г. Карловицкого перемирия. В переписке азовской приказной палаты с Пушкарским приказом зафиксированы первые визиты армянских коммерсантов в российское Приазовье. Сначала в июле 1699 г. в Азов с Кубани приехала группа торговцев во главе с армянином Минасом Симоновым (Семеновым), а затем в сентябре того же года на трех судах из Керчи прибыли 55 купцов, в том числе трое армян [7]. В сентябре М. Симонов доставил азовскому воеводе С.И. Салтыкову письмо от находящегося на Кубани крымского калги-султана Шахбаз-Гирея, и привез четырех донских казаков, ранее взятых в плен ногайцами [8]. Но большинство приезжих купцов стремились попасть из Азова в Черкасск, так как его население отличалось большей покупательной способностью. В 1708 г. некий армянин из Кафы «с товарищи своими розных городов с армяны и с татары на шти арбах приехали в Черкасской с тавары» [9]. Иностранная торговля в Подонье-Приазовье прекратилась вскоре после того, как в ноябре 1710 г. Османская империя объявила войну России. В соответствии с царским указом от 31 января 1711 г. в апреле власти Азова задержали в городе 18 торговцев из Турции. Девять греков и восемь армян были интернированы в Изюм, а единственного турка посадили в тюрьму в Троицком (на Таган роге) [10].

Приток армян в Азов и Черкасск возобновился со второго десятилетия XVIII в. Вероятно, это следует связывать со стабилизацией ситуации в Подонье-Приазовье по окончанию русско-турецкой войны 1710–1713 гг., а также с началом военной колонизации завоеванных Россией в 1722 г. прикаспийских провинций.

В переписке Войска Донского с Военной коллегией 1734 г. упоминается об армянах и греках, которые «живут в Черкасском лет по 10 и по 20 безсходно», помогают казакам «в караулах и во всяких станичных тягостях», а также «в обрубке кругом крепости льда», причем некоторые из них, «оженившись на казачьих дочерях и женах, приняли действительную казачью службу» [11]. По свидетельству посетившего Черкасск в 1737–1738 гг. датского пастора Педера фон Хавена, в городе «было много армян, чьих женщин считают красивейшими во всем мире». «Поэтому, – пишет Хавен, – не было недостатка в историях, где рассказывалось о [случаях] несчастных и часто смертельных амуров, в которые русские вступали с этими нимфами, прекрасными произведениями иной природы, образа жизни, климата и нации» [12]. Черкасские армяне держали дома ясырь, совершали длительные торговые поездки в Москву и Царицын, а среди их «челядников» встречались даже казаки [13].

Женитьба армянина на донской казачке и его вступление в ряды Войска Донского было невозможно без перехода в православие. В источниках сохранилось немало свидетельств о подобных случаях. Так, в декабре 1717 г. в составе группы из шести казаков и армян, приехавших из Черкаска в Москву «для торгового промыслу», находился «донской казак новокрещеной армянин Федор Аксенов», крестный сын старшины Аксена Фролова (Волошина). А. Фролов и другие донцы сообщили в Посольском приказе, что Ф. Аксенов, «которой был напред сего армянин», крещен «в православную веру греческого закона», живет в Черкасске и «служит з донскими казаками в равенстве» [14]. Проведенная в ноябре 1720 г. в Войске Донском перепись «жалованных казаков» зафиксировала, в частности, проживавшего в Черкасске «крещенного» армянина Андрея Иванова [15]. Один из армянских купцов, выходец из «персицкого города Нахчевина», с детства проживавший в Азове, после взятия города российскими войсками в 1736 г. переехал торговать в Черкасск, где в 1748 г. «по крещении и женился на казачей дочери Агафье Антиповой» и получил имя Григория Еремеевича Аветика [16].

Живший в Черкасске персидский армянин Артемий Романов, оказал услугу командованию российской армии во время осады Азова в мае – июне 1736 г. Он был отправлен войсковым наказным атаманом под Азов в качестве информатора, где «по крайнему его разумению, что до атаки того города касалось, самонужнейшие места и все азовское состояние достоверно объявил» фельдмаршалу П.П. Ласси. Однако в связи со скорым отбытием П.П. Ласси в поход на Крым, А. Романов остался без вознаграждения. При этом доброт даже понес убытки, поскольку вместе со всем населением Азов покинули и те турки, которые были должны ему крупные деньги. Кроме того, армянин лишился возможности торговать на территории Турции, так как турки,

узнав об услуге, оказанной им России, чуть не убили его брата, жившего в Кафе. Мало того: бывший азовский санджакбей добился запрета, чтобы брату А. Романова «долга его никто не платил, а кому они должны, те от них требуют заплаты неотступно». Поскольку Артемий и шесть его родственников, проживавших в России, теперь все «остались во всеконечном разорении и торгов своих лишились», он просил П.П. Ласси за свою верную службу «свободное... с братьями в России житие и милостивое награждение учинить». Сын и двоюродный брат А. Романова тоже проживали в Черкасске, один родной брат – в Астрахани, другой родной брат и двое двоюродных братьев – в Царицыне [17].

Далеко не все армяне, жившие в Османской империи, стремились стать российскими поданными. В 1736 г., накануне взятия Азова фельдмаршалом П.П. Ласси, численность проживавших в городе армянских и греческих купцов достигала 121 чел. После включения Азова в состав России в нем пожелали остаться лишь 63 армянина и грека – остальные покинули город вместе с турецким населением [18]. После разрушения Азова по условиям Белградского мирного договора 1739 г. Черкасск остался единственным «центром притяжения» иностранных купцов в крае. В 40-е гг. XVIII в. туда регулярно приезжали торговать армяне из Кафы и с Кубани, при этом многие крымские армяне имели в городе своих приказчиков [19].

На территории современного города Ростова-на-Дону армяне впервые появились еще в середине XVIII в., задолго до основания города Нахичевана. В 1758 г. в Темерницкой портовой таможне за контрабанду были задержаны кафинские армяне Минас Афанасьев и Аспадур Христофоров [20]. В конце 1750-х гг. дом близ Темерницкого порта имел выходец из астраханской армянской диаспоры Василий Макарович Хастатов – «московский мещанин первой гильдии, шелковой мануфактуры и завода содержатель», обер-директор и соучредитель «Российской в Константинополь торгующей компании» [21]. Постройка в 1761 г. крепости Святого Дмитрия Ростовского и постепенный переход к ней статуса регионального центра международной торговли создали предпосылки для оттока туда армянского населения из Черкаска. Так, в 1764 г. переселиться в крепость из Черкаска пожелал уже упоминавшийся купец Г.И. Аветик [22].

Рассмотренный материал позволяет сделать некоторые предварительные выводы.

1. В XVII–XVIII вв. местами компактного проживания армян на Дону и в Северо-Восточном Приазовье являлись крупные центры международной и региональной торговли: турецкий и российский Азак/Азов, казачий Черкасский городок, позже – крепость Святого Дмитрия Ростовского. При этом существовавшие в данных населенных пунктах армянские общины не были столь крупными, как, например, в Астрахани и Кизляре.

2. Армяне, проживавшие в турецком Азове и посещавшие его в XVII–XVIII вв., являлись поданными Османской империи и занимались преимущественно торговлей.

3. Несмотря на то что эти армяне были достаточно прочно интегрированы в османское общество, некоторые из них оставались жить в Азове после его повторного включения в состав России в 1736 г., а также переселялись в Черкасск – как в период реставрации Азакского санджака (1712–1736 гг.), так и после его окончательной ликвидации (1736 г.).

4. Армянские подданные Крымского ханства и Османской империи, проживавшие на территории Крыма и Кубани, продолжали поддерживать устойчивые торговые связи с российским Азовом в 1696–1711 гг.

5. Многие из армян, переехавших в XVIII в. на жительство в Черкасск, крестились по православному обряду и вступали в ряды Войска Донского. Став донскими казаками, «новокрещенные» армяне, несомненно, во многом утрачивали свою национальную идентичность, так как в реалиях того времени она отходила на второй план по сравнению с принадлежностью к войсковому братству.

Примечания

1. Бархударян В.Б. История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917). Ереван, 1996. С. 32–33.

2. ՄԴ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ. Երևան, 1950. է. 329–330; Pubblici L. Venezia e il Mar d'Azov: alcune considerazioni sulla Tana nel XIV secolo // Archivio Storico Italiano. Vol. 163. 2005. № 3. P. 451, 468–469; Волков И.В. Хачкар из Темрюкского музея (наблюдения о влиянии армянской диаспоры на городскую культуру Золотой Орды) // Армяне Северного Кавказа / Studia Pontocaucaica. [Вып.] 2. Краснодар, 1995. С.48–52; Khvalkov I.A. Tana, a Venetian and Genoese Black Sea Trading Station in the 1430s: A Sosial and Economic History. Thesis submitted... of the Master of Arts degree in Medieval Studies. Budapest, 2011. P. 80–81.

3. Veinstein G. La population du sud de la Crimée au début de la domination Ottomane // Mémorial Ömer Lütfi Barkan / Bibliothèque de l'Institut français d'études anatoliennes d'Istanbul. Fis. 28. Paris, 1980. Tab.V, VI, VII, VIII, IX; Бурлака В.О. Азов – северный порт Османской империи. Конец XV – XVI вв. // Очерки истории Азова. Вып.5. Азов, 2000. С.53, 55; Fisher A. The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century // Harvard Ukrainian studies. 1981. Vol. 5. № 2. P. 144–167, 169–170.

4. Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. Т. 3. М., 1962. № 113. С. 124.

5. Новосельский А.А. Из истории донской торговли XVII веке // Исторические записки. Т. 26. М.; Л., 1948. С. 204.

6. Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009. С. 369.

7. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф.И-5. Оп.2. Д. 168. Л. 3 об.–4; Российский государственный архив Военно-морского флота (далее – РГАВМФ). Ф. 176. Оп. 1. Д. 27. Л. 53 об.

8. ГАВО. Ф.И-5. Оп. 2. Д. 168. Л. 4 об.

9. Там же. Л.4–4 об.; Новое о восстании К. Булавина / Публ. Е.П. Подъяпольской // Исторический архив. 1960. № 6. № 2. С. 128.
10. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 11. Вып. 1. М., 1962. № 4232. С. 48; РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 19. Л. 36.
11. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Т. 2. Ч. 1. Новочеркасск, 1894. № 98. С. 102.
12. Хавен П., фон. Путешествие в Россию. СПб., 2007. С. 125.
13. Акты о татарских набегах на землю войска Донского // Труды Областного войска Донского статистического комитета. Вып.2. Новочеркасск, 1874. Отд. 2. № 26. С. 33; Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века: Сб. документов. Т. 2. Ч. 1. Ереван, 1964. № 57. С. 170–171.
14. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 1473. Л. 45–47, 49–50.
15. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф.238. Оп. 2. Картон 224. Д.61. Л.2 об.
16. ГАРО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 5. Л. 43 об.
17. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 7 // Сб. Императорского Русского исторического общества. Т. 120. Юрьев, 1905. № 33. С. 140–142.
18. Журнал фельдмаршала Ласси о воинских операциях с 1733 по 1737 год // Сб. военно-исторических материалов. Вып. 3. СПб., 1893. С.283.
19. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13. Оп. 1. Св.76. Д.6. Л. 324 об., 377 об., 380, 390 об., 393 об., 403 об.; Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Т. 2. Ч. 1. № 345. С. 312; Сенатский архив. Т. 6. СПб., 1893. С. 49, 75, 89–90.
20. ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.
21. Реляция от 24-го сентября 1761 года, о заложении по всевысочайшему Ее Императорского Величества соизволению новой крепости святого Дмитрия Ростовского // Записки Одесского Императорского общества истории и древностей. Т. 2. Одесса, 1848. С. 836.
22. ГАРО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 5. Л. 43–44.

М.А. Арутюнян

ВЛИЯНИЕ АГРЕССИИ АЗЕРБАЙДЖАНА ПРОТИВ НАГОРНОГО КАРАБАХА НА МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ АРМЯН-БЕЖЕНЦЕВ НА ЮГ РОССИИ

Актуальность темы обусловлена необходимостью объективного изучения последствий этнических чисток в Аз.ССР, имевших место в 1980-х и в начале 1990-х гг., в дальнейшем переросших в агрессию против Нагорно-Карабахской Республики (НКР). В результате этих событий резко увеличился поток армянских беженцев в страны СНГ, в том числе и в Россию, где проживали родственники и близкие пострадавших, которые надеялись найти при-